

Кирилл Зубков

Гончаров в роли Островского: Эстетическая теория и литературная автобиография в *Материалах, заготовляемых для критической статьи об Островском*

Goncharov in the role of Ostrovskii: Aesthetic Theory and Literary Autobiography in *Materials Prepared for a Critical Article about Ostrovskii*

This paper analyzes an unfinished article by Ivan Goncharov known under the title *Materials Prepared for a Critical Article about Ostrovskii*. I argue that the content of the article has practically nothing to do with the works of Aleksander Ostrovskii. In fact, Goncharov sought to construct a narrative about his own life and work and to protect them from the harsh criticism that appeared after the publication of his last novel, *The Precipice*. The paradoxical structure of Goncharov's article is explained by his aesthetic views, which demanded a perfect *objectivity* from the writer and were hardly compatible with the growing role of memoirs in Russian literature in the 1870s.

Начиная с 1923 года читатели могут ознакомиться с не завершенной, но, по всей видимости, значимой статьей Ивана Александровича Гончарова, известной под условным названием *Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском*, входящим к авторским пометам на рукописи (см.: Гончаров 1923). Статья неоднократно переиздавалась в составе собраний сочинений писателя (см., например, Гончаров 1955:

170–182). Не останавливаясь подробно на сложной творческой истории этого текста, следует отметить, что работа писателя над ним оказалась очень напряженной, а исследователям стоило больших усилий найти соединить разрозненные фрагменты автографа, оказавшиеся в разных архивах¹ (см. Гейро 1973). Точ-

¹ Варианты готовятся Н.В. Калининой к публикации в *Полном собрании сочинений* и писем Ивана Александровича Гончарова в 20 томах, которое

но датировать *Материалы...* довольно сложно, однако можно предположить, что они создавались в конце 1873 – начале 1874 года: последним произведением Александра Николаевича Островского в ней прямо названа пьеса *Поздняя любовь*, поставленная и опубликованная в конце 1873 года, цитируется также заметка Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина², опубликованная в 1873 году. Кроме того, Гончаров именно в это время испытывал особый интерес к творчеству Островского и подробно писал о нем в странном письме Федору Михайловичу Достоевскому от 14 февраля 1874 года (Гончаров 1955: 460), о котором речь пойдет ниже.

Не опубликованная при жизни писателя, эта статья представляет собой наиболее развернутый гончаровский отзыв о творчестве Островского и вызывает значительный интерес со стороны исследовате-

выходит в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН с 1997 года.

² Гончаров упоминает неких радикально настроенных “иомудов” (Гончаров 1955: 175). Это слово, вероятно, заимствовано из опубликованных в конце 1873 года частей цикла *Помпадур и помпадурши*, где Салтыков-Щедрин упоминает кочевой народ иомудов несколько раз (Салтыков-Щедрин 1969: 240).

лей, которые неоднократно обращали внимание на то, что Гончаров видел в драматурге близкого себе писателя (см., в частности: Цейтлин 1950: 406). На этом основании исследователи делают далеко идущие выводы относительно внутреннего родства эстетических установок писателей (см., например: Ермолаева 2011). Гончаров, с точки зрения авторов подобных исследований, выступил в роли своеобразного историка литературы и охарактеризовал глубинное сходство своих эстетических взглядов со взглядами Островского. С нашей точки зрения, более продуктивен подход Е.И. Шевчуговой, в своей статье *Авторские стратегии в критической прозе И.А. Гончарова* обратившей внимание на то, что “оправдание” Островского в статье Гончарова во многом применимо и к самому автору *Обломова* (см.: Шевчугова 2015: 263–266).

С нашей точки зрения, статья Гончарова прежде всего посвящена не пьесам Островского, а творческому пути самого Гончарова, который писатель в силу своих эстетических теорий не мог охарактеризовать прямо. В 1870-е годы Гончаров занимается и критикой, и попытками осмыслить собственный жизненный и в осо-

бенности литературный путь. Так, в статье *Мильон терзаний* (1872), при наличии автобиографического подтекста, речь действительно идет прежде всего об образе Чацкого из комедии Александра Сергеевича Грибоедова *Горе от ума* и о современных драматических интерпретациях этого произведения (см., например: Денисенко 2008). Однако в то же десятилетие идет активная работа над не печатавшимися при жизни писателя автобиографическими сочинениями: исповедальной *Необыкновенной историей* и посвященными истолкованию собственного творчества статьями *Лучше поздно, чем никогда*, *Предисловие к роману Обрыв* и другими. Как представляется, именно в ряду этих, прежде всего автобиографических, произведений и следует прочитывать материалы к статье об Островском.

Незавершенная статья Гончарова состоит из нескольких частей. Вводный раздел посвящен формулировке основного вопроса: почему пьесы Островского “встречаются и в печати и на сцене довольно холодно” (Гончаров 1955: 170). По всей видимости, первоначально писатель планировал остановиться на подробном разборе представления коме-

дии *Поздняя любовь* в Александринском театре (Гончаров 1955: 173), однако в итоге не реализовал этот замысел. Основная часть статьи состоит из двух частей. Первая из них представляет собою своеобразный социологический очерк русской театральной публики, содержащий характеристики отдельных групп, посещающих театр, преимущественно аристократических кругов, “высшего класса” (Гончаров 1955: 173–174). Вторая посвящена характеристике творческого пути Островского, который, по словам Гончарова, во всех своих произведениях создал единую картину ушедшей в прошлое России, прекратившей свое существование после *Крымской кампании и Положения 19 февраля* (Гончаров 1955: 182), то есть начала реформ Александра II. Этими словами статья Гончарова и обрывается: очевидно, в разборе творчества Островского писатель достиг основной цели своей статьи.

Своеобразный замысел Гончарова, скрывшего свой образ под маской Островского, связан, как представляется, с изменениями институционального статуса литературы в России второй половины XIX века, которые Гончаров не принимал в силу своих эсте-

тических принципов (см., например, Цейтлин 1950: 31–350). По всей видимости, автор *Обломова* действительно интересовался творчеством Островского и высоко ставил драматурга. Об этом свидетельствуют и многочисленные положительные высказывания о сочинениях Островского, разбросанные по его статьям и письмам (см., например, письмо Островскому от 12 февраля 1882 года: Гончаров 1955: 491–492), и постоянная поддержка его сочинений в качестве цензора – Гончаров неизменно давал положительные заключения о пьесах Островского (см., например: Гончаров 2014: 280–283).

Однако знакомство с произведениями Островского в статье фактически не отразилось – напротив, Гончаров игнорирует даже очень известные факты из творческой биографии драматурга. “Двумя последними пьесами” драматурга Гончаров называет комедии *Поздняя любовь* и *Не все коту масленица* (Гончаров 1955: 170), совершенно игнорируя тот факт, что между ними Островский написал также большую комедию *Не было ни гроша, да вдруг алтын*, историческую пьесу о русском театре *Комик XVII столетия* и такое знаменитое произведе-

ние, как *Снегурочка*. При этом *Снегурочку* Гончаров упоминает далее (Гончаров 1955: 179), не задаваясь, очевидно, вопросом, когда она появилась. Скорее всего, речь не может идти о значимом умолчании, потому что эти произведения Островского в целом не противоречат трактовке Островского как писателя прошлого, пьесы которого посвящены уходящей эпохе:

[...] все эти черты, образующие великорусскую физиономию, все вошли в творческую сферу Островского. Ничто *до нового времени* не ускользнуло от его зоркого ока [...] в сущности он писатель эпический. [...] Темное царство, как назвал его Добролюбов, падает, краски линяют, нравы отходят – а если еще и утаились где-нибудь по углам, то они уже указаны, названы им по имени. Островский проникает и в эти углы: последние пьесы он называет сценами в захолустьях. Он знает, что главное он сделал, – осталось немного. У него как будто опускаются руки. Впереди у него ничего нет: новая Рос-

сия – не его дело (Гончаров 1955: 181–182).

Те же самые тезисы Гончаров воспроизводит и в письме к Ф.М. Достоевскому от 14 февраля 1874 года, видимо, написанном в тот же период, что и его статья:

Островский изобразил все типы купцов-самодуров и вообще самодурских старых людей; чиновников, иногда бар, барынь – и также типы молодых кутил. Но и эти молодые типы уже не молоды, они давно наплодились в русской жизни – и Островский взял их, а других, новейших, которые уже народились, не пишет потому именно, мне кажется, что они еще не типы, а – молодые месяцы – из которых неизвестно, что будет, во что они преобразятся и в каких чертах застынут на более или менее продолжительное время, чтобы художник мог относиться к ним, как к определенным и ясным, следовательно и доступным творчеству образам (Гончаров 1955: 460).

По всей видимости, обращенная к Достоевскому тирада представляет собою реализацию той же авторской стратегии, что и черновик статьи: писатель высказывается об Островском, вовсе не имея в виду давать серьезное истолкование его произведениям. Если пьесы Островского начала 1870-х годов в целом не противоречат высказываниям Гончарова о творчестве драматурга, то его же комедии конца 1860-х годов совершенно не согласуются с тем, что Гончаров пишет в своей статье. Гончаров описывает драматурга как “писателя исторического”, который “не пошел и не пойдет за новой Россией” (Гончаров 1955: 181). Это центральный тезис статьи, связанный с гончаровской идеей о том, что настоящие писатели должны характеризовать только исторически сложившиеся типы. Дело, однако, в том, что в конце 1860-х годов Островский постоянно создавал остро сатирические произведения, например, комедию *На всякого мудреца довольно простоты*, появившуюся за четыре года до начала работы Гончарова над заметкой. В ней, а также в таких произведениях, как *Бешеные деньги* или *Лес*, читатели и

зрители увидели совершенно не “исторического” автора сочинений об уходящих в прошлое общественных типах, а остро актуального драматурга, создателя проблемных пьес о наиболее злободневных событиях своего времени.

Как представляется, речь здесь не может идти о своеобразной авторской трактовке произведений драматурга: Гончаров просто опускает больше половины его пьес последнего десятилетия и выстраивает концепцию, которую практически невозможно подтвердить примерами. В этом отличие Гончарова как истолкователя Островского, например, от Николая Александровича Добролюбова, дававшего в статьях *Темное царство* и *Что такое обломовщина?* (обе статьи – 1859) радикальную трактовку произведений драматурга и самого Гончарова. Если Добролюбов, стремясь прогнозировать будущее и даже влиять на него, все же постоянно отсылает к окружающей “действительности” и отталкивается от разбираемых текстов (см., например, Lorenz 2013), то Гончаров не просто делает спорные утверждения, основанные на тенденциозном истолковании литературных произведений, – его тезисы вообще не подтверждаются

практически никакими примерами из сочинений драматурга.

Чтобы понять смысл своеобразной статьи Гончарова, попытаемся рассмотреть ее в литературно-критическом контексте. Автор заметки постоянно полемизирует с некими представителями публики и критиками, неспособными, по его мнению, оценить поздние произведения Островского, упрекающими драматурга, который якобы “исписался” (Гончаров 1955: 171), и т.п. Ни одного из этих критиков Гончаров не называет по имени. Впрочем, если обратиться к истории рецепции пьес Островского, становится ясно: в действительности в это время не произошло никакого резкого перелома в истолковании сочинений драматурга.

В начале 1870-х годов Островский вызывал у литературных и театральных критиков совершенно такую же реакцию, что и раньше, – то есть очень неоднозначную. Отзывы о драматурге станут почти полностью отрицательными уже после появления статьи Гончарова, к концу 1870-х годов. До этого резкому осуждению подвергались пьесы *Горячее сердце* и *Бешеные деньги*. Николай Николаевич Страхов писал об этих отзывах: “К г.

Островскому всегда приступают с большими и даже чрезмерными требованиями; как только появится не совсем удачное его произведение, тотчас фельетонисты начинают вопить о гибели его таланта...” (Страхов 1906: 233). Среди критиков бытовало мнение, что Островский “повторяется” в своих произведениях, что и является причиной его неудач. Л.К. Панютин прямо сопоставил *Бешеные деньги* с *Горячим сердцем*: “По задаче, по основной мысли обе комедии списаны, точно по трафарету, друг с друга” (Панютин 1870). Другие отзывы на страницах русских газет были еще более резкими: “Мы хотя и давно уже убедились, что талант Островского слабеет, но, однако ж, никогда не предполагали [...], чтоб уважаемый драматург перешел когда-либо к воззрениям тех самых самодуров, над которыми он во время оно так искренно глумился” (Л. Л. 1870). Однако именно “последние пьесы” Островского *Не все коту масленица* и *Поздняя любовь*, о которых Гончаров планировал написать свою статью, были встречены в целом доброжелательно. Критик «Санкт-Петербургских ведомостей», например, отметив недостатки первой пьесы, пи-

сал: “[...] она смотрится с большим удовольствием и, вероятно, долго не сойдет с репертуара. Публика отнеслась к ней сочувственно; автора вызывали [...]” (П. 1873). В.П. Буренин высоко оценил пьесу *Не все коту масленица*: “Новое произведение г. Островского [...] принадлежит к числу самых удачных бытовых сцен знаменитого драматурга” (Буренин 1873)³. Встречались, конечно, и негативные отзывы. Критик «Гражданина» даже хотел обратиться к драматургу со словами “О г. Островский! отчего вы не умерли до написания *Поздней любви*?” (К... 1873). Однако, вопреки мнению Гончарова, никакого единства на этот раз в критике не было⁴.

Тем не менее, Гончаров в своей статье последовательно вы-

³ В той же статье находим близкую параллель к одной из характеристик Гончарова: “Внешнее содержание комедии, как говорят у нас, фабула – избитейшая донельзя...” (Буренин 1873). Ср. у Гончарова: “Ему и не хочется прибегать к фабуле” (Гончаров 1955: 180).

⁴ Показательно, что *Голос* по поводу московской и петербургской постановок *Поздней любви* отзывался об Островском диаметрально противоположным образом: один обозреватель утверждал, что талант Островского “падает”, другой — что эти упреки несправедливы (см.: Без подписи 1873, В. 1873).

страивает повествование о писателе, забытом публикой и отвергнутом критикой, прямо проводя параллели с другими «беллетристами новейшего времени»: «Прежде всего Островский разделяет в этом отношении участь всех беллетристов новейшего времени. К ним ко всем более или менее стали холоднее прежнего» (Гончаров 1955: 170). Как представляется, в действительности Гончаров интересовался всего лишь одним критиком, писавшим не только об Островском, но и о других «беллетристах новейшего времени», включая самого Гончарова. Выступая против критиков Островского, писатель в первую очередь имел в виду статьи Е.И. Утина, печатавшиеся на страницах «Вестника Европы» одновременно с романом *Обрыв* и обратившие на себя его особое внимание. Его взгляды на литературу были достаточно радикальными. Развернутые отзывы о чтении сочинений Утина неоднократно встречаются в переписке романиста. 15 (27) мая 1869 года он писал С.А. Никитенко о деятельности издателя журнала Стасюлевича, который печатал сочинения Утина:

Я его остерегал от слишком юных сотрудииков.

Они напустят ему воды – или *слюней*, как неизящно выразился я, прямо указывая ему на его родственника. Сколько он наговорил об Островском, например, и местами недурно, а в целом вышла болтовня. Вот он недоволен направлением моего романа, а собирается, как я вижу из его слов, выразить недовольство и художественною стороною (Гончаров 1955: 404).

5 ноября 1869 года Гончаров обратился к самому редактору «Вестника Европы»:

Обращаясь к фельетону Евгения Исааковича, я замечу с радостью, что он менее нежели кто-нибудь в современной печати грешит грубостью, раздражением на словах и бранью. Тон его приличен и мягок – и это чуть ли не единственное достоинство фельетона (Гончаров 1955: 421).

В «Вестнике Европы» Утин напечатал несколько статей об Островском и современной русской литературе, которые могли привлечь внимание

Гончарова: *Литературные споры нашего времени*, где Островский сопоставлялся с другими представителями своего поколения, такими как Тургенев и сам Гончаров, *Современные мудрецы* – развернутый разбор творчества драматурга, созданный в связи с выходом комедии *На всякого мудреца довольно простоты*, – а также работу *Современные условия русской сцены*. – *Новая комедия А.Н. Островского* Горячее сердце.

Статья *Литературные споры нашего времени* была построена на противопоставлении творчества представителей поколения 1840-х годов литературной деятельности современных писателей (повидимому, не названных прямо радикальных разночинцев, таких как Ф.М. Решетников). Утин подчеркнул литературное значение именно современных произведений:

[...] говоря о молодых беллетристах, мы должны сказать, что если среди них до сих пор не явилось ни одного писателя с таким сильным талантом, чтобы он мог образовать собою новую школу, то, взятые вместе, они составляют достаточно крупное явление,

чтобы на нем остановиться (Утин 1869: 362).

Единственным из писателей прошлого поколения, кого Утин соглашался считать современным и актуальным, был именно Островский. По мнению критика, только он “никогда не шел вразрез новым стремлениям и до сих пор вносит в изображение русской жизни большую трезвость и ясное понимание вещей” (Утин 1869: 363). Умение понимать современную русскую жизнь Утин считал исключительной способностью драматурга, которой, с точки зрения критика, лишены авторы *Отцов и детей* и *Обрыва*: “Сама жизнь сделалась шире, ее не удовлетворяют больше те маленькие интересы, те ничтожные страсти, или, вернее, страстишки, которыми думают увлекать читателей писатели старого направления” (Утин 1869: 363). В качестве ярчайших примеров этих писателей старого направления Утин приводил, конечно, Тургенева и Гончарова. Связывая творчество Островского с общественно-политическими проблемами современной России, Утин прямо ссылаясь на Добролюбова: “Нельзя, конечно, сказать, чтобы г. Островский во-

все не был оценен в русском обществе; нет, на его долю выпало встретить в Добролюбове достойного себя критика” (Утин 1903: 128). Проблемы эти были, с его точки зрения, тесно связаны с постепенным освобождением от давящего наследия прошлого, которое во многом определяло характер современного общества. Сами комедии Островского Утин, следом за Добролюбовым, трактовал как критику основанного на угнетении общественного порядка.

Гончаров пытался опровергнуть почти все основные тезисы статей Утина. Писатель явно не считал Островского исключительным представителем своего поколения: все литераторы этого возраста описаны в заметке Гончарова как реликты литературного прошлого. Разумеется, в его описании и Островский оказывается писателем несовременным. При этом ответственность за такое положение вещей он возлагает не персонально на Островского, а на исторические закономерности в целом: “Беллетристика переставала быть центром, или знаменем интеллигенции – по мере того как развилось и созревало общественное сознание о необходимости образования в массе” (Гончаров 1955:

170). Если для Утина современные писатели по своему значению не уступают прежним, Гончаров утверждает, что выдающиеся современники литературой не занимаются:

Беллетристика переставала быть центром и знаменем интеллигенции, по мере того как развивалось и созревало общественное сознание о необходимости образования в массе.

Круг образованных и серьезно подготовленных для общественной деятельности людей расширился – и беллетристы выделились из этого круга, как выделяются специалисты всякого дела, и составили особый, всегда почетный, но уже не во главе всей интеллигенции стоящий кружок (Гончаров 1955: 170–171).

Если для Утина общество современной России выглядит аренной ожесточенной борьбы между “старым” и “новым” укладом жизни, где писатель волен изображать обе стороны конфликта, то с точки зрения Гончарова, веками сложившаяся жизнь “московского царства” подошла к концу, а

изображать современную жизнь искусство пока еще не способно в принципе. В этой связи повторение одних и тех же типов и ситуаций в пьесах Островского воспринимается Гончаровым не как недостаток, а как необходимое следствие его творческой активности.

Гончаров особенно подчеркивает значение статей Добролюбова для характеристики творчества Островского. Единственный критик Островского, который прямо назван в статье, – это Добролюбов (см.: Гончаров 1955: 178), то есть тот же автор, на которого ссылался и Утин. Возможно, причина состояла в том, что в свое время Добролюбов писал о самом Гончарове. На статью *Что такое обломовщина?* обращалось особое внимание в критических заметках *Лучше поздно, чем никогда*, где имя Добролюбова упомянуто Гончаровым трижды, и исключительно в положительном контексте (см.: Гончаров 1955: 70, 71, 78). Едва ли писатель был согласен с радикальным критиком в трактовке пьес Островского. Более вероятная причина – возможность прямо указать на судьбу собственного творчества: именно Гончарова, а не Островского ради-

кальная критика сначала оценила (в лице Добролюбова), а позже отвергла (в лице, например, Утина, прямо ссылавшегося на того же Добролюбова)⁵.

Итак, статьи Утина вызвали особый интерес Гончарова во все не в связи с оценкой Островского, а в связи с описанием литературной деятельности всего его поколения, в первую же очередь – самого Гончарова. Мнение писателя явно связано с его умеренной политической позицией и убежденностью в том, что “Великие реформы” в целом уже однозначно и полностью преобразили российскую общественную жизнь. Более основательно эти мысли сформу-

⁵ В противовес Добролюбову, Гончаров воспроизводил характерные для позднего Белинского идеи, согласно которым “В наше время невозможен ни Пушкин ни Гоголь – эти два последние могикана литературного абсолютизма [...] Майков, Некрасов, Тургенев, графы Толстые, Писемский образуют первую шеренгу, и никто из них не теснит другого, и все вместе выражают то, что прежде выражалось в небольшой кучке интеллигенции одним” (цит. по: Гейро 1973: 147–148). Схожие идеи относительно значения в современную эпоху беллетристики Белинский высказывал, например, в статье *Взгляд на русскую литературу 1847 года* (1848), на страницах которой высоко оценивалась и *Обыкновенная история* – первый роман самого Гончарова.

лированы в не опубликованном при жизни автора *Предисловии к роману Обрыв* (1869):

В сущности можно прийти к такому заключению, что с тридцатых и сороковых годов продолжается все один и тот же период развития и что в этом периоде уже сменилось не одно племя молодых людей другим. В этом смысле современное молодое поколение началось давно. “Они дождались, – говорят люди нового поколения (будем так называть молодых людей, публицистов и проч.) про своих предшественников, – осуществления некоторых результатов и удовлетворились, успокоились, как будто все нужное уже сделано”.

Да, удовлетворились многим, хотя и не успокоились и не думают, что все уже сделано, не легли на бок, а продолжают, насколько есть сил, действовать. И было чем удовлетвориться. [...] Нужно ли перечислять все, что совершилось с 1855 года, когда правительство стало во главе прогресса, твердо пошло

и идет по новому пути?
(Гончаров 1955: 151).

С точки зрения Гончарова, задача “нового поколения” должна состоять не в борьбе со старым, а в продолжении и развитии принципов, заложенных в прошлом – в 1840-е годы, подготовивших общественное сознание к социально-экономическим сдвигам царствования Александра II. Очевидно, именно на этом уровне и заложен своеобразный автобиографический пласт статьи Гончарова. Работая над статьей об Островском, писатель в то же время создавал своеобразный нарратив, полемически направленный против радикальной литературной критики, – нарратив, главным действующим лицом которого становится Гончаров, по объективным причинам неспособный отразить в своем творчестве новейшие тенденции в обществе и по этой причине несправедливо забытый публикой и критикой. Хотя в статье речь идет об Островском, в действительности ее главный герой – сам автор романа *Обрыв*, о котором критики не сказали доброго слова ни в одном журнале, даже в напечатанном романе *Вестнике Европы*, на страницах которого Утин и

объявил Гончарова “отсталым” (см.: Гуськов 2012).

Именно в таком духе Гончаров характеризовал себя в многочисленных описаниях собственного творчества 1870-х годов, в первую очередь, в статье *Лучше поздно, чем никогда*. В ней нетрудно отметить те же ключевые мотивы, складывающиеся в повествование о печальной судьбе не понятого новым поколением писателя. Гончаров пишет о том, что его собственное творчество отстало от времени:

Я давно положил перо и не печатал ничего нового. Так думал я и закончить свою литературную деятельность, полагая, что мое время прошло, а вместе с ним “прошли” мои сочинения, то есть прошла их пора.

Я решился возобновить только издание очерков кругосветного плавания Фрегат *Паллада* [...] Другое дело — романы и вообще художественные произведения слова. Они живут для своего века и умирают вместе с ним; только произведения великих мастеров переживают свое время и обращаются в истори-

ческие памятники (Гончаров 1955: 64).

Характеризуя реакцию на свой последний роман, Гончаров упоминает и негативные отзывы критиков, и непонимание современников:

Со времени появления романа *Обрыв* в 1869 году мне пришлось прочитывать немало суровых, даже раздражительных приговоров в печати; напротив того, в обществе лично я встречал много сочувствия, выражавшегося в горячих, иногда восторженных, конечно преувеличенных, похвалах.

Я получал и письма от некоторых любителей литературы, наполненные теми же похвалами, которые всего более относились к моей “живописи” [...]

Эти похвалы имели бы для меня гораздо более цены, если бы в моей живописи, за которую меня особенно хвалили, найдены были те идеи и вообще все то, что [...] укладывалось в написанные мною образы, картины и простые, не-

сложные события (Гончаров 1955: 66–67).

Такую реакцию Гончаров объясняет неспособностью большинства читателей оценить природу его творчества, в котором отразился не только жизненный опыт автора, но и исторические обстоятельства:

Прежде всего надо вспомнить и уяснить себе следующее положение искусства: если образы типичны, они непременно отражают на себе – крупнее или мельче – и эпоху, в которой живут, оттого они и типичны. То есть на них отразятся, как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт. [...]

Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил – все это, помимо моего сознания, само собою отразилось силою рефлексии у меня в воображении [...] все в миниатюрных подобиях (Гончаров 1955: 72).

Неоконченная статья Гончарова об Островском оказывается, таким образом, не столько опытом характеристики драматурга, сколько своеоб-

разной литературной автобиографией Гончарова, мучительно пытавшегося разобраться в причинах неожиданно холодного приема критиками своего последнего романа, определить собственное место в истории русской литературы и в истории России в целом. За отдельными характеристиками пьес Островского скрывается попытка Гончарова рассказать, как связаны его творческий путь и историческое время.

Такая трактовка позволяет, как кажется, объяснить еще две особенности незавершенной статьи Гончарова. Понятно становится его обращение именно к творчеству Островского. Очевидно, именно в драматурге Гончаров не мог видеть себе конкурента, как, например, в Иване Сергеевиче Тургеневе, или создателя принципиально другого типа повествования, как в Салтыкове-Щедрине. В драматическом роде Гончаров себя никогда не пробовал, а потому самоотожествление с Островским не было чревато самоуничтожением – поддержкой другого, более успешного автора повествовательной прозы. В то же время именно анализ драматургии позволял Гончарову подробнее говорить о разных слоях публики: в театральной

критике того времени, в отличие от литературной, было принято подробно обсуждать возможного зрителя (см.: Федотов 2016: 119–120). Этот анализ (писатель делит русскую публику на “высший круг”, “средний русский класс” и “неграмотных простых людей” (см.: Гончаров 1955: 174–176) позволяет Гончарову объяснить кажущееся непонимание читателем его собственных произведений.

Разбор статьи Гончарова позволяет, как представляется, охарактеризовать специфику его положения в литературной жизни 1870–1880-х годов. Мемуарные сочинения, которые писатель публиковал в это время, преимущественно относятся к достаточно периферийным, на его взгляд, проблемам: это личность давно скончавшегося Виссариона Григорьевича Белинского, университетские годы писателя, нравы его родины и прочее. Однако наиболее болезненные и важные детали собственно литературной биографии писателя остались на страницах не завершенных или не опубликованных сочинений, таких как *Необыкновенная история*. В 1870-е годы Гончаров пережил острый жизненный кризис, в котором сыграли свою роль и обще-

ственная позиция, и обстоятельства личной жизни, и состояние здоровья, и сложная реакция критиков на последний роман писателя. Этот кризис в предназначенных для печати произведениях практически не отразился либо отразился косвенно, как и в задуманной, видимо, для публикации заметке об Островском. Однако даже такие признания для “объективного” Гончарова оказались недопустимы. Чрезмерно личный тон статьи об Островском стал, по-видимому, причиной отказа от ее завершения.

В положении Гончарова проявляется общая проблема, связанная с конфликтом между эстетической теорией писателя и некоторыми тенденциями развития литературы этой эпохи. Гончаров был последовательным приверженцем такого значимого для писателей его эпохи эстетического принципа, как “объективность” (см.: Цейтлин 1950: 336–338). Разумеется, объективность была в числе категорий классической философской эстетики, очень значимых для русской литературы и литературной критики XIX века в целом, однако у Гончарова, по сравнению с его современниками, роль именно установки на абсолютную ав-

торскую беспристрастность, дистанцированность от изображаемой реальности особенно значима. “Субъективных”, то есть пристрастных и прямо выражающих свою политическую позицию литераторов, таких как Щедрин, он в целом не желал понимать и воспринимать (см.: Прокопенко 1989). Тем более не был Гончаров готов публично высказываться о своих личных проблемах: это противоречило его собственным концепциям теориям “объективного” творчества “*sine ira*” (Гончаров 1955: 94).

Именно в последние десятилетия XIX века русская литература как социальный институт достигла достаточной степени социальной и экономической независимости от внешних критериев, а для писателя стало возможно выстраивать свою биографию именно вокруг литературной деятельности, осмыслять свой жизненный путь именно как путь писателя. Об этом Гончаров пишет в цитированном выше фрагменте своей статьи, рассуждая о формировании обособленного круга “беллетристов”. Перифразируя известную формулу Юрия Михайловича Лотмана о “праве на биографию” (Лотман 1992), в это время писатель получает

“право на автобиографию” – уже не только как создатель определенных текстов, но и как участник сложившегося литературного сообщества. Начиная с 1860-х годов, растет лавина публикаций “литературных воспоминаний” самых разных писателей (см., например, Гурвич-Лищинер 1997: 31–44).

Именно в эту тенденцию, связанную с автономизацией литературного поля, Гончаров, со своей сугубо “объективной” эстетикой, и не смог вписаться. Причины, по которым писатель оказался в таком положении, на другом материале сформулировал Ф. Лежен: “Автобиография легка (а искусство требует труда и шлифовки) и никчемна (искусство предполагает преодоление индивидуального и достижение всеобщего)” (Лежен 2000: 113). Видимо, согласившийся бы с этим расхожим мнением Гончаров требовал от искусства именно ‘преодоления индивидуального’ – а потому не был готов печатать произведений о собственной жизни. Парадоксальным образом Гончаров, защищая автономию искусства от радикальной критики, был не готов осмыслить собственную жизнь как жизнь прежде всего литератора. Установка на объектив-

ность и осмысление себя в качестве писателя, проведенные последовательно, оказались несовместимы⁶.

⁶ Я благодарю Н. В. Калинину и анонимных рецензентов, чьи ценные рекомендации помогли мне в работе над моей статьей.

Библиография

Без подписи 1873: [Без подписи], *Московские заметки*, «Голос», 1873, 327, 28 ноября.

Буренин 1871: З. [В. Буренин], *Журналистика*, «Санкт-Петербургские ведомости», 1871, 274, 5 сентября.

В 1873: В., *Театр (Бенефис Бурдина: новая пьеса Островского Поздняя любовь)*, «Голос», 1873, 331, 30 ноября.

Гейро 1973: Л. Гейро, *Неизвестные страницы из статьи Гончарова об Островском*, «Русская литература», XXV, 1973, 2, с. 144–148.

Гончаров 1923: И. Гончаров, *Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском // Памяти А.Н. Островского: Сборник статей об Островском и неизданные труды его*, Петроград, Путь к знанию, 1923, с. 10–22.

Гончаров 1955: И. Гончаров, *Собрание сочинений: В 8 тт.*, Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1955, т. 8.

Гончаров 2014: И. Гончаров, *Полное собрание сочинений и писем: В 20 тт.*, Санкт-Петербург, Наука, 2014, т. 10.

Гурвич-Лищинер 1997: С. Гурвич-Лищинер, *Герцен и русская художественная культура 1860-х годов*, Тель-Авив, Центр им. Каммингса, 1997.

Гуськов 2012: С. Гуськов, *Полемика, которой не было (из истории критики романа Обрыв)*, «Русская литература», LXIV, 2012, 2, с. 80–89.

Денисенко 2008: С. Денисенко, *Мильон терзаний И.А. Гончарова в театральном дискурсе*, «Русская литература», LX, 2008, 2, с. 122–130.

Ермолаева 2011: Н. Ермолаева, *И.А. Гончаров об А.Н. Островском // Актуальные проблемы теории и истории литературной критики: (К юбилею В.В. Тихомирова)*, под ред. Е. Беляковой, Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011, с. 161–168.

К... 1873: К..., «Поздняя любовь» (Письмо к редактору), «Гражданин», 1873, 49, 3 декабря.

Лежен 2000: Ф. Лежен, *В защиту автобиографии. Эссе разных лет*, пер. и вступ. Б.В. Дубина, «Иностранная литература», XLVI, 2000, 4, с. 108–122.

Л. Л. 1970: Л. Л., *Русская журналистика. («Бешеные деньги»)*, «Новое время», 1870, 109, 22 апреля.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте* // Ю. Лотман, *Избранные статьи: В 3 тт.* Таллинн, Александра, 1992, т. 1, с. 365–376.

П 1873: П., *Театр. Бенефис Бурдина*, «Санкт-Петербургские ведомости», 1873, 330, 30 ноября.

Панютин 1870: Л. Панютин, *Русский театр*. («Бешеные деньги»), «Голос», 1870, 107, 19 апреля.

Прокопенко 1989: З. Прокопенко, М.Е. Салтыков-Щедрин и И.А. Гончаров в литературном процессе XIX века, Воронеж, Воронежский университет, 1989.

Салтыков-Щедрин 1969: М. Салтыков-Щедрин, *Собрание сочинений: В 20 тт.* Москва, Художественная литература, 1969, т. 8.

Страхов 1906: Н. Страхов, *Лес, комедия А.Н. Островского* // *Критическая литература о произведениях А.Н. Островского*. под ред. Н. Денисюк, Москва, А. Панафидина, 1906, Вып. 3, с. 228–250.

Утин 1869: Е. Утин, *Литературные споры нашего времени*, «Вестник Европы», 1869, III, 11, с. 347–374.

Утин 1903: Е. Утин, «На всякого мудреца довольно простоты» // *Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского*. Ч. 3, под ред. В. Зелинского, Москва, А. Кольчугин, 1903, с. 128–179.

Федотов 2016: А. Федотов, *Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов*, Тарту, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2016.

Цейтлин 1950: А. Цейтлин, И.А. Гончаров, Москва, Академия наук СССР, 1950.

Шевчугова 2015: Е. Шевчугова, *Авторские стратегии в критических статьях И.А. Гончарова* // *Гончаров после Обломова: Сборник статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге*, под ред. С. Гуськова, Н. Калининой, Санкт-Петербург; Тверь, Издательство Марины Батасовой, 2015, с. 258–272.

Lorenz 2013: Lorenz, Sarah Ruth. 2013. 'Realist Convictions and Revolutionary Impatience in the Criticism of N.A. Dobrolyubov', *The Slavic and East European Journal*, LXVIII(1): 67–88.

